

ФИЛОСОФИЯ ЧЕЛОВЕКА

PHILOSOPHY OF MAN

УДК 316.45

DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-2-33-41

*Галина Дмитриевна Ковригина,
кандидат философских наук, доцент,
Иркутский национальный исследовательский технический университет
(664074, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83),
e-mail: kovrigina_gd@mail.ru
orcid: 0000-0002-2160-6816*

Особенности просоциального поведения

В статье изучаются особенности просоциального поведения, которое является основным условием для солидарности общества. Анализируются различные теоретические подходы к исследованию особенностей восприятия просоциальности или готовности к солидарности с точки зрения того, как её наличие оценивается людьми в себе и в другом. В работе раскрывается личностное измерение просоциального, или конъюнктивного, поведения. Рассматриваются особенности формирования и реализации солидарности в её связи с этнической идентичностью и функциональными группами, в которые включён индивид. Отношение к «чужим» с точки зрения его значимости для конъюнктивных процессов исследовалось и отечественными учёными, которые изучали эту проблему, задав ей дополнительный характер – наличия стрессовых факторов и адаптации в новых социальных рамках и при непрогнозируемом социальном развитии. Просоциальное поведение, солидарность как эмерджентное явление появляются в результате каких-то специфичных обстоятельств, действий и диспозиций людей. Этот факт может стать отправной точкой для формирования методологического каркаса изучения просоциального поведения в психологии и смежных науках.

Ключевые слова: просоциальное поведение, социальное взаимодействие, социальная динамика, солидарность, теории

Введение. В психологии солидарность обычно называется просоциальным поведением, и в данной науке достаточно сильны эволюционные парадигмы, объясняющие эти поведенческие модели, такие, как теория родственного отбора (кин-отбор) и реципрокного альтруизма. Вместе с тем дискуссия о наиболее эвристичных теоретико-методологических концепциях не прекращается и в этой отрасли знания. В частности, Х.-В. Бирхоф (Германия) и Д. Фетченауэр (Нидерланды) полагают, например, что множество примеров сотрудничающего поведения людей не могут быть объяснены теорией родственного отбора, поскольку имеют место при взаимодействии генетически чуждых людей. Для объяснения этих ситуаций была создана, в свою очередь, теория реципрокного альтруизма. Исследователи указывают на то, что, как показали компьютерные симуляции, организ-

мы способны максимизировать свои результаты тогда, когда они используют стратегию «зуб за зуб». Эта простая игровая стратегия предполагает, что вы реагируете на сотрудничающее поведение другого так же сотрудничающим поведением, а на отказ от сотрудничества – таким же отказом. «Важными являются следующие два требования стратегии “зуб за зуб”: 1) отношения с новым партнёром по взаимодействию всегда начинайте с сотрудничества, 2) реагируйте на отказ от сотрудничества со стороны другого не расширенным возмездием, а однократным отказом от сотрудничества сразу после провокации» [7, с. 236].

Европейские психологи показывают, что норма реципрокности действительно для множества культур и обнаруживается в качестве повторяющегося элемента в человеческих обществах по всему миру. Реципрок-

ность, по сути, выполняет стабилизирующую отношения функцию, представляя собой своего рода «многоцелевой моральный цемент». «Она заставляет людей всё время оставаться в социальном долгу друг у друга. То есть, норма реципрокности так структурирует социальные отношения, что в промежутке между моментом, в который Я оказываю услугу, и моментом, в который Другой отвечает взаимностью, лежит тень задолженности» [7, с. 237]. Именно эта невидимая, но значимая и реально воздействующая на наши действия «тень» и является одним из главных стимулов морально-материальной компенсации одной стороны – другой, то есть, создаёт своего рода нормативную основу для социальной конъюнкции, поскольку два и более участников взаимодействия ведут себя образом, определённым нормативно-ценностной системой, относительно которой у них, судя по всему, достигнут консенсус. Что происходит в случаях, когда такого консенсуса нет, или когда это моральное обязательство по каким-то причинам вдруг нарушается, исследователи не уточняют.

Бирхоф и Фетченауэр указывают на тот факт, что в рамках психологической науки большинство сторонников эволюционной парадигмы уверены в том, что теории родственного альтруизма и реципрокного альтруизма достаточны для объяснения просоциальности человека. Тем не менее, очевидным, по мнению указанных исследователей, является то, что во многих ситуациях люди демонстрируют высокий уровень просоциального поведения, даже если они участвуют в неповторяющихся взаимодействиях с генетически чуждыми другими.

Методология и методы исследования. Почему же люди воздерживаются от эксплуатации своих партнёров по взаимодействию, если последние не имеют с ними генетической близости, и нет никакой «тени будущего»? Одно из теоретических объяснений того, почему люди сотрудничают даже в ситуациях, которые не повторятся в будущем, заключается, по мнению данных учёных, в следующем: если готовые к сотрудничеству и просоциально ориентированные люди способны идентифицировать друг друга как партнёров по взаимодействию, они достигнут более высоких результатов, нежели люди, не расположенные к справедливому и сотрудничающему поведению.

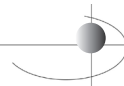
Однако эгоистичные и не сотрудничающие люди заинтересованы в том, чтобы *выглядеть* заслуживающими доверия и готовы-

ми к сотрудничеству для того, чтобы эксплуатировать сотрудничество других. Это имеет «два основных эффекта: 1) люди сильно мотивированы отличать того, кто действительно заслуживает доверия от того, кто всего лишь притворяется; 2) сотрудничающие и просоциальные люди заинтересованы в том, чтобы посылать надёжные сигналы о том, что им можно доверять, которые не могут быть легко сымитированы теми, кто, на самом деле, не намерен сотрудничать. Именно комбинация этих эффектов объясняет, почему люди, всё-таки, способны определить тех, кто заслуживает доверия» [4].

Просоциально ориентированные люди смогли выжить и иметь репродуктивный успех, потому что смогли идентифицировать друг друга в качестве участников взаимовыгодного сотрудничества. Тем не менее, для того чтобы «выглядеть заслуживающим доверия, ты должен вести себя справедливо и честно вне зависимости от конкретной ситуации, в которой ты действуешь, поскольку в противном случае твоё сотрудничество будет истолковано в качестве вызванного намерениями манипуляции» [7, с. 240].

Д. Фетченауэр и Д. Даннинг (США) исследуют особенности восприятия просоциальности или готовности к солидарности с точки зрения того, как её наличие оценивается людьми в себе и в другом. Как доказывают исследователи, одна из наиболее подтвержденных находок в социальной психологии – это вывод о том, что люди воспринимают себя как более просоциальных и склонных к солидарности, нежели их окружение, считая, что, когда придёт время, они поведут себя более щедро, альтруистично, этично, по-добруму, чем другие. В частности, люди верят, что они в большей степени готовы стать донорами крови или уступить место в переполненном автобусе беременной женщине. В известной «дилемме заключённых» люди полагают, что они в большей степени, нежели другие, склонны к сотрудничеству. Их воспоминания о том, как справедливо они себя в прошлом вели, гораздо более многочисленны, чем воспоминания о таких же поступках других людей.

Исследователи отмечают, что с этими оценками, разумеется, есть проблема, поскольку типичный субъект не может быть более просоциальным, нежели типичный субъект. «С учётом этой логической невероятности, такого рода самовосприятие говорит о наличии систематического искажения, которое называется “лучше, чем в среднем”, или

“искажение уникальности” (при котором люди воспринимают себя в качестве уникальных по своим моральным качествам). Эффект “лучше, чем в среднем” проявляется особенно сильно, когда речь идёт об этике и морали. Люди могут допускать, что есть кто-то поумнее, но они с крайней неохотой признают, что кто-то может быть более просоциальным, чем они» [9, с. 61].

Почему же так происходит? По мнению исследователей, большинство социальных психологов, которые пытались ответить на этот вопрос, основывали свои объяснения на допущении, что у людей имеется сильная потребность считать себя этичными и справедливыми. В результате люди когнитивно «упорядочивают» своё восприятие, чтобы подтвердить своё безошибочное право считаться моральными и альтруистичными, в то время как другие в этом отношении выглядят более подозрительными.

Результаты исследования и их обсуждение. На самовосприятие морального превосходства может воздействовать то, как именно абстрактно моральное поведение интерпретируется и кодируется, – подчёркивают исследователи. Например, «если некто помогает другому подняться по лестничному пролёту, это поведение кодируется как *доброе* (абстрактное кодирование) или как просто помогающее подняться по лестнице (конкретное кодирование)? Люди склонны кодировать свои собственные просоциальные поступки абстрактно, указывая на то, что эти поступки отражают черты личности и характера, но описывают свои антисоциальные действия конкретно, проявляя неспособность сделать выводы относительно более глубокого смысла этих действий» [9, с. 62–63].

Такое восприятие, которое можно, на наш взгляд, назвать «конъюнктивным самомнением», может иметь глубокие корни в культуре. Объяснения такого рода акцентируются на том, что люди развитых западных обществ воспитаны в индивидуалистической культуре, где разумный эгоизм является нормой, поэтому склонны недооценивать способность к солидарности других, включая членов своей же культуры. «С точки зрения эволюционной перспективы, конечная цель социального восприятия не точность, а адаптивность. Другими словами, предсказания полезны не тогда, когда они наиболее точны, а тогда, когда они ведут к наиболее полезному поведению. Неправильное предсказание, ведущее к адаптивному поведению, намного лучше, чем точное предсказание, ведущее к потенциаль-

но пагубным последствиям» [Там же, с. 68]. То есть, определённое восприятие уровня просоциальности других помогает нам принять правильное и мудрое решение. Эвристический инструмент (эвристика), который обеспечивает эту функцию – «Я более просоциален, нежели другие», предполагающий систематическое искажение, выражающееся в недооценке просоциальности других. Тем самым, это конъюнктивное самомнение может быть и, вероятно, является – выражением эволюционно сложившейся предосторожности, трактовки другого в качестве угрозы по умолчанию, пока не будет подтверждено обратное.

Личностное измерение просоциального, или конъюнктивного поведения, определяет исследовательский фокус М. Перуджини (Англия) и К. ван дер Зее (Нидерланды). Они полагают, что личностные черты влияют на солидарное поведение. В целом личность – это система относительно стабильных черт, характеристик индивида, придающих определённую согласованность его поведению. Эта система черт различна для каждого индивида. Просоциальные установки относятся к имеющимся у индивидов специфическим тенденциям и способностям подавления их собственного антисоциального поведения или для усиления их солидарного поведения. «Например, эти установки относятся к способности подавить агрессию в конфликтной ситуации, проявить эмпатию и солидаризироваться с другими или выразить своё расположение. Эти установки можно рассматривать в качестве относительно стабильных латентных характеристик индивидов» [10, с. 77].

Личностные характеристики влияют на базовые когнитивные процессы, определяющие ситуации действия. К таким характеристикам, прежде всего, относятся: агрессия, сотрудничество, конкуренция, индивидуализм, реципрокность, тревожность. Для агрессии, указывают исследователи, например, была в своё время создана модель обработки социальной информации, основанная на предположении, что дети с высоким уровнем агрессии кодируют и интерпретируют как внутренние, так и внешние сигналы не так, как дети с низким уровнем агрессии. Агрессивные дети менее способны к опознанию социальных стимулов и полагаются, главным образом, на собственные предубеждения, а не наблюдаемые характеристики ситуации. Более того, такие дети в большей степени склонны приписывать другим враждебные намерения. Такое влияние личностных черт на когнитивные

процессы очевидно сочетается с их влиянием на доминантные цели, приводя к трём основным фреймам (гедонизма, достижения и нормативному). Например, экстравертному типу приписывается склонность к поиску удовольствий (гедонистический фрейм).

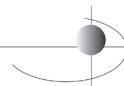
Личностные особенности влияют и на характер социальных отношений, включая солидарное поведение, причём последнее в значительной степени обусловлено конкретным поведением других. Исследователи, в этой связи, выделили два типа реципрокности – позитивный и негативный. Участники ситуаций взаимодействия рассматривали их в качестве возможности вступить в межличностные отношения и уделяли большое внимание намерениям, лежащим в основе поведения личности. Главные отличия между участниками реципрокного взаимодействия заключаются в ожиданиях и предпочтениях относительно наград и наказаний, и в заинтересованности в коллективных результатах. Носители позитивной реципрокности склонны ожидать от других сотрудничества, в то время как носители негативной в большей степени ожидают отказ от такового. Исследователи утверждают, что, установив уровень позитивной реципрокности, возможно предсказать сотрудничающее поведение даже тогда, когда материальных стимулов для него нет. Более того, по их выводам, сделанным на основе анализа ряда исследований, сотрудничающее поведение со стороны людей с высоким уровнем позитивной реципрокности не может быть объяснено просоциальными или альтруистическими мотивами.

Другими словами, саму возможность сотрудничества определяют, преимущественно, черты личности, включённые в «большую пятёрку» личностной психологии: экстраверсия, доброжелательность, добросовестность, нейротизм, открытость опыту. Высокие тестовые показатели по данной структуре характеризуют носителя как обладающего позитивной реципрокностью, низкие – негативной. Интересным, на наш взгляд, наблюдением исследователей является вывод о том, что носители негативной реципрокности более живо реагировали на взаимодействие, в котором они имели возможность наказать другого, в то время как носители позитивной реципрокности были более отзывчивы в контактах, допуская только поощрения. Также «негативщики» оказались заинтересованы только в том, чтобы расквитаться с партнёрами по межличностным обменам, в то время как «позитивщики» заботились так-

же о совместных результатах этих обменов. Соответственно, перспективы и возможности последующего сотрудничества определялись тем, состоялось ли таковое, или не состоялось в текущем взаимодействии.

Логичным является вывод авторов о том, что носителям позитивной реципрокности в основном удавалось создавать такое долговременное сотрудничество, основанное, помимо прочего, на поощрениях, как значимом стимуле. Что касается носителей негативной реципрокности, полагававшихся преимущественно на наказания, они чаще создавали ситуации невозможности сотрудничества в дальнейшем. Среди пяти указанных выше базовых черт структуры личности наибольшей значимостью при определении типа реципрокности, носителем которой являлся индивид, психологи называют доброжелательность (*agreeableness*). С чем, очевидно, трудно не согласиться.

Отношение к «чужим» с точки зрения его значимости для конъюнктивных процессов исследовалось и отечественными учёными-психологами. И. И. Знаменская, А. В. Марков, А. В. Бахчина, Ю. И. Александров [1] О. А. Кармадонов, Г. Д. Ковригина [2; 3], О. А. Полюшкевич [4–6] изучали эту проблему, задав ей дополнительный характер – наличия стрессовых факторов. Исследовали анализировали особенности нравственного содержания восприятия взрослыми людьми «чужих», под которыми подразумевались дикие и домашние животные и инопланетяне. Участники эксперимента «решали моральные дилеммы в беседе с экспериментатором, одновременно играя в компьютерную игру, с помощью которой в экспериментальной группе индуцировался кратковременный стресс. Моральные дилеммы представляли собой истории, в которых «свой» (человек) причиняет вред «чужому», отбирая у него жизненно необходимый ресурс, чтобы повысить собственный уровень комфорта. Новизна состоит в том, что при сравнении данных настоящего исследования с полученными нами результатами в предыдущих исследованиях при изучении детей показано статистически достоверное регрессирование к более ранним, «детским» формам поведения в ситуации «морального выбора», а именно предпочтение взрослыми стратегии поддержки «своего», даже если он поступает несправедливо» [1, с. 44]. Результаты эксперимента рассматриваются авторами с позиций системно-эволюционного подхода и соотносятся с «системной дедифференциацией, то есть обратимым

увеличением вклада низкодифференцированных систем в обеспечение поведения при стрессе. Обсуждается значение полученных результатов и в контексте общебиологических эволюционных представлений» [Там же].

Карен ван дер Зее исследует, помимо прочего, особенности формирования и реализации солидарности в её связи с этнической идентичностью и функциональными группами, в которые включён индивид. Учёный обращает внимание на то, что мир глобализируется, и социальные группы, в которых мы работаем, учимся или отдыхаем, становятся всё более плюралистическими по своей природе. Как следствие, общество должно справляться с интеграцией различных культур. Важным вопросом является то, как можно мотивировать иммигрантов действовать в отношении членов принимающих их обществ просоциально и воздерживаться от антисоциального поведения. Зачем иммигрантам заботиться о сохранении окружающей среды, о людях, которых грабят на улицах, или об уплате налогов, если они чувствуют себя лишь частично охваченными новым сообществом? При каких условиях возможна солидарность представителей меньшинств с общественными институтами и, в более общем плане, с обществом в целом? Языковые проблемы, нежелание со стороны групп большинства с (зачастую) более высоким социальным статусом принимать представителей меньшинств в свою группу, культурные различия – все эти факторы могут препятствовать развитию социальных отношений, пересекающих границы этнической группы. По мнению исследователя, важно, чтобы члены общества из числа меньшинств могли определять свою социальную идентичность с точки зрения значимых функциональных групп общества (будучи членом женского общества, родителем с другими родителями в детском саду, работником в компании, членом футбольной команды), а не только с точки зрения этнической принадлежности. Только в таких обстоятельствах члены меньшинств могут отождествлять себя с нормами и ценностями этих функциональных групп и вести себя соответствующим образом [13, с. 175–176].

Обращаясь к теории социальной категоризации Г. Тэджфела, Ван дер Зее предполагает, что индивидуумы имеют тенденцию классифицировать себя по принадлежности к социальным коллективам. Люди, участвующие в общественных группах, таких как спортивные команды, рабочие коллективы или школьные комитеты, часто отличаются с точки зрения важных социальных катего-

рий, таких как пол, возраст или этническая принадлежность. Это означает, что члены данной функциональной группы имеют два важных источника идентификации: их функциональную группу (например, коллектив или спортивный клуб) и их социальную категорию в этой группе (например, их гендерную или этническую идентичность). Значимость идентичности для человека определяется субъективной значимостью идентичности и её ситуативной релевантностью. Субъективно важная идентичность – это такая, которая занимает центральное место в самом базовом ощущении индивидом себя и очень значима для его целей, ценностей или других ключевых атрибутов.

Исследователь подчёркивает тот, кажущийся очевидным, факт, что этническая идентичность субъективно важна для большинства людей. Кроме того, сходство является важной основой для классификации. Равные нормы и ценности в сочетании с общим опытом заставляют членов этнических подгрупп чувствовать влечение друг к другу. Таким образом, культура, скорее всего, окажет влияние на представления и поведение человека. Если основным источником идентификации является социальная категория, этническая группа усиливает поведение, которое согласуется с культурными ценностями членов группы, а не с нормами функциональной группы (например, проектная группа человека на работе). Следовательно, то, что считается подходящим поведением, различается между этническими подгруппами в социальной группе. Несовместимость культурных ценностей может нанести ущерб конструктивным групповым процессам, или группообразованию. То, что воспринимается как солидарное поведение, определяется существующими взаимными отношениями с членами этнической группы, а не отношениями с членами функциональной группы [13, с. 176–177].

Ван дер Зее указывает на то, что социальные референтные группы придают смысл, обосновывают и обеспечивают исполнение необходимых для группы действий. Чтобы создать фрейм солидарности, который стимулирует членов группы направлять своё поведение на её значимые цели, представляется важным, с точки зрения голландского психолога, чтобы их самокатегоризация и условия выполнения задачи совпадали. Это означает, что в функциональных группах основным источником самокатегоризации должна быть принадлежность к этой конкретной, а

не к этнической группе. Если члены идентифицируются с функциональной, а не со своей этнической группой, они в полной мере разделяют свою социальную идентичность. Смысл и обоснование поведения, проявляемого группой, затем обеспечивается целями группы, а также её нормами и ценностями, причём в этих условиях члены меньшинств более охотно участвуют в общем деле группы. «Эмпирические исследования показали, что групповая идентификация играет важную роль в формировании представлений о солидарности и готовности членов группы к участию в коллективных действиях. Идентификация с задачами группы происходит вполне естественно. У людей, похоже, есть общая потребность работать или что-то производить, тенденция искать цель или смысл в жизни и тенденция приспособляться к институтам» [13, с. 177].

Исследования по вопросам межкультурной адаптации показали, что личность может быть связана с особенностями идентификации иммигрантов. Ван дер Зее различает ряд межкультурных черт, которые кажутся актуальными в этом отношении: культурная эмпатия, непредубеждённость, социальная инициатива, эмоциональная стабильность и гибкость. *Культурная эмпатия* означает способность распознавать и сопереживать чувствам, представлениям и поведению членов различных культурных групп. *Непредубеждённость* означает открытое и толерантное отношение к представителям различных культурных групп и к различным нормам и ценностям. Люди с высоким уровнем *социальной инициативы* имеют тенденцию проявлять её и обращаться к другим людям, а не ждать и смотреть, что делают другие. *Эмоциональная стабильность* относится к тенденции сохранять спокойствие в стрессовых ситуациях, по сравнению с тенденцией проявлять сильные эмоциональные реакции в сложных обстоятельствах. Наконец, *гибкость* означает способность корректировать привычные способы действий в ответ на требования новых и неизвестных ситуаций, а также склонность рассматривать такие ситуации как вызов. Отметим, в свою очередь, что данные условия групповой конъюнкции являются, вне всякого сомнения, важными и значимыми, однако, не вполне учитываемыми, на наш взгляд, всё ту же культурную специфику, о которой говорит Ван дер Зее. Всё-таки, главным условием успешного группообразования является наличие у членов этнических меньшинств не просто эмпатии, непредубеждённости,

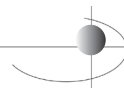
социальной инициативы, эмоциональной стабильности и гибкости, но и готовности к эксплицированию этих качеств в отношении членов функциональной группы и принимающего общества в целом.

Солидарность выступает как эмерджентное явление, то есть, как появляющееся в результате каких-то специфических обстоятельств, действий и диспозиций людей. В частности, в недавнем (2017) исследовании психологи поставили задачу установить – возникает ли некая общность в ходе публичных представлений, и если да – в силу каких факторов?

С социально-психологической точки зрения, представление (будь то в спорте, религии, культуре или политике) успешно, когда оно превращает набор слабо связанных людей в социальную общность или сущность. Это может произойти во время Рождественской церковной службы, чемпионата мира по футболу или на фестивале рок-музыки Вудсток. На такие мероприятия не имеющие друг к другу отношения люди попадают по личным причинам. Но во время действия люди могут почувствовать связь с исполнителями и друг с другом. «С точки зрения групповой динамики – это примечательный процесс: несмотря на то, что активную роль играют исполнители (футболисты, актёры, музыканты, политики), а толпа отделена от них и не участвует в основных действиях, действия “на сцене” способны вызвать у зрителей сильное чувство солидарности, которое преодолевает границы между исполнителями и наблюдателями» [8, с. 19].

Именно этот процесс занимает исследователей, которые сделали попытку установить – как именно скоординированные действия группы исполнителей влияют на пассивных наблюдателей, если возникает чувство солидарности, преодолевающее границы между ними? Гипотеза учёных заключалась в том, что объяснить это явление может процесс психологического формирования группы. То есть, те же процессы, которые играют роль в формировании группового взаимодействия, могли бы также объяснить, как пассивные наблюдатели приходят к чувству солидарности, даже если они не принимают активного участия в представлении. Именно таким способом исполнители и зрители могут психологически слиться в единую сущность.

В культурных исследованиях танец, музыка, театр и другие зрелища рассматриваются как инструменты, которые выражают общую идентичность и усиливают чувство общности среди тех, кто действует, и тех, кто

наблюдает. До сих пор эмпирические исследования были посвящены тому, как участие в таких мероприятиях влияет на идентификацию среди основных действующих лиц или среди людей, связанных с актёрами как друзьями или семьёй. В данном же проекте исследователи изучают возникающие связи между совершенно не знакомыми людьми. Основная цель – пролить свет на психологические механизмы формирования группы, включающей в себя пассивных наблюдателей и активных исполнителей. Таким образом, повторимся: психологи изучали возникновение группы, фокусируясь на солидарности как эмерджентном явлении.

«Солидарность, – говорят исследователи, – является зонтичным термином для опыта группообразования и имеет три компонента: идентификацию, энтитативность и принадлежность. Идентификация относится к включению группы в само-концепцию, энтитативность относится к единству группы как целого, и принадлежность относится к отношениям между группой и Я. Вместе эти переменные дают возможность фиксации и описания психологического формирования группы из активной части и пассивных наблюдателей» [8, с. 19–20].

По мнению учёных, существует всего два инструментальных способа формирования солидарности, основное различие между которыми состоит в том, что в группах, где доминирует восходящий (*bottom-up*), индуктивный процесс, чувство личной ценности положительно связано со степенью идентификации и единства, которые испытывают члены группы, тогда как в группах, где в большей степени действует модель «сверху вниз» (*top-down*), и где доминируют дедуктивные процессы, сама группа является центральной единицей для процесса её формирования [Там же, с. 20]. Тем самым, индуктивный процесс социальной конъюнкции очевидно сопоставим с дюркгеймовской органической солидарностью, в то время как второй – индуктивный процесс – с солидарностью механистической.

Расширяя это видение, исследователи обращают внимание на то, что при взгляде на физические процессы можно заметить, что психологический опыт солидарности (идентификация, принадлежность, субъектность) может быть осуществлён через поведенческую координацию в группе. Когда людей просят вести себя похожим образом, то есть, двигаться синхронно, группа демонстрирует механическую солидарность, кото-

рая способна привести к чувству общности через дедуктивный процесс («мы все ведём себя одинаково», «мы как одно целое»). И наоборот, когда участников просят вести себя в комплементарной, дополняющей манере (когда они по очереди выполняют определённое движение), они демонстрируют органическую солидарность, которая может привести к чувству общности, индуцированному через личное содействие каждого участника группы (то есть, «каждый делает свой ценный вклад, и поэтому мы едины») [Там же, с. 20]. Важный вывод психологов, который часто упускается из виду социологами – солидарность есть формируемое явление, возникающее в специфических обстоятельствах и требующее своего поддержания. Социологи, в этом смысле, напоминают биологов, и для первых, и для вторых – социальная конъюнкция выглядит зачастую в качестве какого-то максимально объективированного или даже гипостазированного феномена, существующего в силу неких неумолимых законов – например, социальной или биологической эволюции. Психологи привносят в рассмотрение социальной конъюнкции неоценимый вклад в виде её негарантированности и постоянной обусловленности внешними и внутренними факторами. Учёт этой перспективы, несомненно, должен обогатить исследования солидарности.

Кроме того, внимание привлекает термин, используемый психологами для описания состояния социальной конъюнкции группы и сообщества и отсутствующий в словарях как социологической, так и биологической науки. Это понятие – *энтитативность*, под которым подразумевается степень интеграции группы до состояния её различимости как для внешнего, так и для внутреннего наблюдателя. На наш взгляд, категория такой «целостности», или конъюнктивной консистентности, также в состоянии значительно обогатить анализ социальной солидарности, что уже было рассмотрено нами в других работах [2; 3].

По нашему мнению, в теории социальной идентичности Г. Теджфела обнаруживается ядро объяснения формирования социальных идентичностей с точки зрения личностных мотиваций, согласно с которым, принадлежность к определённой социальной группе помогает человеку в самопознании и формировании непротиворечивого образа самого себя [12].

Заключение. Тем самым, солидарность, или просоциальное поведение, рассматривается как попытка уменьшить базовую тревогу, страх смерти, при которой физическое выжи-

вание в составе большой группы дополняется метафизическим «выживанием» в виде символической продолженности во времени. В этом смысле «любовь к отеческим гробам», «прежде думай о Родине», «была бы страна родная» и т. д. оказываются не столь уж бескорыстными. Страна символизирует именно такую – большую и долговременную социальную общность, идентификация с которой происходит и по такого рода психологическим мотивам.

Таким образом, тема социальной солидарности или просоциального поведения, достаточно активно исследуется в науке, хотя преимущественно зарубежной. Проблема формирования и воспроизводства человеческого сообщества анализируется с различных теоретико-методологических позиций, включая такие базовые объяснительные парадигмы, как теория реципрокного альтруизма, теория родственного отбора (кин-отбор), эволюционная теория, психология личности. В последнее время данный ряд был допол-

нен теорией фреймов, созданной на стыке социологической и психологической объяснительных моделей, а также теорией управления страхом.

Среди поднимающихся в рамках психологических исследований тем – индивидуальное измерение и предвзятая оценка просоциального поведенческого ресурса в себе и других, структура личности и её влияние на просоциальное поведение, феномен супружеской неверности с точки зрения его значимости для солидарности в близких социальных отношениях, этническая идентичность и солидарность с функциональными группами, эмерджентность солидарности и условия её формирования и, разумеется, нескончаемый поиск наиболее эвристических теоретико-методологических оснований исследования просоциального поведения, или социальной солидарности. Темы, поднимаемые в данной сфере психологией, явным и логичным образом пересекаются с подходами и методологией социологической науки и биологии.

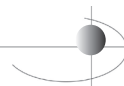
Список литературы

1. Знаменская И. И., Марков А. В., Бахчина А. В., Александров Ю. И. Отношение к «чужим» при стрессе: системная дедифференциация // Психологический журнал. 2016. Т. 37, № 4. С. 44–58.
2. Кармадонов О. А., Ковригина Г. Д. Конъюнктивный потенциал пространства и цивилизации // Социодинамика. 2016. № 3. С. 73–85.
3. Кармадонов О. А., Ковригина Г. Д. Социальная конъюнкция в ресурсном аспекте // Вестник Института социологии. 2016. № 2. С. 12–28.
4. Полюшкевич О. А. Философия благодарности // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12, № 1. С. 67–74.
5. Полюшкевич О. А. Социальная эмпатия: вопросы консолидации российского общества // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2015. № 6. С. 3–18.
6. Полюшкевич О. А. «Свои» и «чужие»: социокультурные маркеры // Дискуссия. 2011. № 5. С. 84–89.
7. Bierhoff H.-W., Fetchenhauer D. How to Explain Prosocial and Solidary Behavior: A Comparison of Framing Theory with Related Meta-Theoretical Paradigms, in: Solidarity and Prosocial Behavior. An Integration of Sociological and Psychological Perspectives / ed. by D. Fetchenhauer, A. Flache, B. Buunk, S. Lindenberg. New York: Springer, 2006. Pp. 225–242.
8. Broekman A., Gordijn E. H., Koudenburg N., Postmes T. Reshaping social structure through performances: Emergent solidarity between actors and observers // Journal of Experimental Social Psychology. 2018. No. 76. Pp. 19–32.
9. Fetchenhauer D., Dunning D. Perceptions of Prosociality and Solidarity in Self and Others, in: Solidarity and Prosocial Behavior. An Integration of Sociological and Psychological Perspectives / ed. by D. Fetchenhauer, A. Flache, B. Buunk, S. Lindenberg. New York: Springer, 2006. Pp. 61–74.
10. Perugini M., Zee van der K. Personality and Solidary Behavior, in: Solidarity and Prosocial Behavior. An Integration of Sociological and Psychological Perspectives / ed. by D. Fetchenhauer, A. Flache, B. Buunk, S. Lindenberg. New York: Springer, 2006. Pp. 77–92.
11. Solomon S., Greenberg J., Pyszczynski T. A terror management theory of social behaviour: the psychological functions of self-esteem and cultural worldviews // Advances in Experimental Social Psychology / ed. Mark P Zanna. San Diego: Academic Press, 1991. Pp. 93–159.
12. Tajfel H. Cognitive aspects of prejudice // Journal of Social Issues. 1969. No. 25. Pp. 79–97.
13. Zee van der K. Ethnic Identity and Solidarity with Functional Groups // Solidarity and Prosocial Behavior. An Integration of Sociological and Psychological Perspectives / ed. by D. Fetchenhauer, A. Flache, B. Buunk, S. Lindenberg. New York: Springer, 2006. Pp. 175–189.

Статья поступила в редакцию 17.01.2019; принята к публикации 22.02.2019

Библиографическое описание статьи

Ковригина Г. Д. Особенности просоциального поведения // Гуманитарный вектор. 2019. Т. 14, № 2. С. 33–41. DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-2-33-41.

Galina D. Kovrigina,

*Candidate of Philosophy, Associate Professor,
Irkutsk National Research Technical University
(83 Lermontova st., Irkutsk, 664074, Russia),
e-mail: kovrigina_gd@mail.ru
orcid: 0000-0002-2160-6816*

Features of Prosocial Behavior

The article examines the features of prosocial behavior, which is the main condition for the solidarity of society. Various theoretical approaches to the study of the characteristics of perception of prosociality or readiness for solidarity are analyzed from the point of view of how its presence is assessed by people in themselves and in the other. The personal dimension of prosocial or conjunctive behavior is revealed in the work. It also discusses the features of the formation and realization of solidarity in its connection with the ethnic identity and functional groups in which the individual is included. The attitude to the “aliens” from the point of view of its importance for conjunctive processes was also studied by domestic scientists who studied this problem giving it an additional character, i. e. the presence of stress factors and adaptation in the new social framework and unpredictable social development. Prosocial behavior, solidarity as an emergent phenomenon arises as a result of some specific circumstances, actions and dispositions of people. This fact can be a starting point for the formation of a methodological framework for the study of prosocial behavior in psychology and related sciences.

Keywords: prosocial behavior, social interaction, social dynamics, solidarity, theories

References

1. Znamenskaya I. I., Markov A. V., Bakhchina A. V., Aleksandrov Yu. I. Attitude towards “others” under stress: systemic dedifferentiation. *Psychological Journal*, vol. 37, no. 4, pp. 44–58, 2016. (In Rus.)
2. Karmadonov, O. A., Kovrigina, G. D. Conjunctive potential of space and civilization. *Sociodynamics*, no. 3, pp. 73–85, 2016. (In Rus.)
3. Karmadonov, O. A., Kovrigina, G. D. Social conjunction in the resource aspect. *Bulletin of the Institute of Sociology*, vol.17, no. 2, pp. 12–28, 2016. (In Rus.)
4. Polyushkevich, O. A. Philosophy of gratitude. *Humanitarian vector*, vol. 12, no. 1, pp. 67–74. (In Rus.)
5. Polyushkevich, O. A. Social empathy: issues of consolidation of the Russian society. *Monitoring of public opinion: economic and social changes*, vol. 130, no. 6, pp. 3–18, 2015. (In Rus.)
6. Polyushkevich, O. A. “Own” and “Others”: Socio-Cultural Markers. *Discussion*, no. 5, pp. 84–89, 2011. (In Rus.)
7. Bierhoff, H.-W., Fetchenhauer, D. How to Explain Prosocial and Solidary Behavior: A Comparison of Framing Theory with Related Meta-Theoretical Paradigms // *Solidarity and Prosocial Behavior. An Integration of Sociological and Psychological Perspectives*. Ed. by Fetchenhauer, D., Flache, A., Buunk, B., Lindenberg, S. NY: Springer, 2006: 225–242. (In Engl.)
8. Broekman, A., Gordijn, E. H., Koudenburg, N., Postmes, T. Reshaping social structure through performances: Emergent solidarity between actors and observers. *Journal of Experimental Social Psychology*, no. 76, pp. 19–32, 2018. (In Engl.)
9. Fetchenhauer, D., Dunning, D. Perceptions of Prosociality and Solidarity in Self and Others, in: *Solidarity and Prosocial Behavior. An Integration of Sociological and Psychological Perspectives*. Ed. by Fetchenhauer, D., Flache, A., Buunk, B., Lindenberg, S. NY: Springer, 2006: 61–74. (In Engl.)
10. Perugini, M., Zee van der K. Personality and Solidary Behavior // *Solidarity and Prosocial Behavior. An Integration of Sociological and Psychological Perspectives*. Ed. by Fetchenhauer, D., Flache, A., Buunk, B., Lindenberg, S. NY: Springer, 2006: 77–92. (In Engl.)
11. Solomon, S., Greenberg, J., Pyszczynski, T. A terror management theory of social behaviour: the psychological functions of self-esteem and cultural worldviews, in Mark P Zanna (ed.), *Advances in Experimental Social Psychology*, Academic Press, San Diego, 1991: 93–159. (In Engl.)
12. Tajfel, H. Cognitive aspects of prejudice. *Journal of Social Issues*, no. 25, pp. 79–97, 1969. (In Engl.)
13. Zee van der K. Ethnic Identity and Solidarity with Functional Groups // *Solidarity and Prosocial Behavior. An Integration of Sociological and Psychological Perspectives*. Ed. by Fetchenhauer, D., Flache, A., Buunk, B., Lindenberg, S. NY: Springer, 2006: 175–189. (In Engl.)

Received: January 17, 2019; accepted for publication February 22, 2019

Reference to the article

Kovrigina G. D. Features of Prosocial Behavior // Humanitarian Vector. 2019. Vol. 14, No. 2. PP. 33–41. DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-2-33-41.